

П.И. Гришанин

История Белого движения и Гражданской войны в России в контексте современного исторического знания

Уникальность современной историографической ситуации заключается в плюрализме научных подходов, который формируется в процессе соприкосновения позитивизма, модернизма и постмодернизма. Изменение методов познания, форм представления исторического знания, доминирование проектных механизмов организации деятельности модернизируют систему воспроизводства исторической науки в целом. В советский период отечественной исторической науки в качестве специальной отрасли исторического знания была выделена историография. Ее предметом становилось изучение процесса накопления знаний о человеческом обществе с обязательным привлечением ранее неизвестных источников и историографических памятников и обоснование классовой обусловленности теории исторического процесса [1, с. 7–9; 2, с. 4–5; 3, с. 3; 4, с. 142–145]. Однако это не исключало развития элементов всех современных методологических подходов в историографии. Следует согласиться с известным историографом Н.В. Иллерицкой, что в настоящее время профессиональное историческое сообщество в большинстве своем ищет способы легитимации собственной познавательной деятельности, активно занимаясь теоретическими проблемами исторического анализа [5, с. 171].

Трансформация исторического знания на рубеже XX–XXI вв. органично вписывается во всеобщий культурный сдвиг. Неразрывность интеллектуальных процессов в сфере гуманитарного знания очевидна. При этом важно подчеркнуть, что новые тенденции в современной историографии не были навязаны извне, и постмодернистское направление развивалось в рамках модернизма и тесно с ним связано [6, с. 11–24]. Об этом свидетельствуют изыскания исследователей томской историографической школы, занимавшей с 60-х гг. XX в. ведущие позиции в развитии методологии истории в отечественной историографии. Именно они в 90-е гг. XX в. активно популяризировали идеи известного теоретика постмодернизма Ф. Анкерсмита [7] с тем, чтобы в настоящее время заниматься проблемами методологического синтеза [8].

По мнению современного исследователя З.А. Чеканцевой, для современного состояния отечественной историографии характерны следующие тенденции:

- отказ от самоуверенных установок сциентистской историографии на истинность, на открытие законов, на предсказание будущего;

- актуальность теории интерпретации текстов;
- возврат к нарративу и признание стилистического измерения исторического произведения [9, с. 360–371].

С конца XX в. историческое познание переживает существенные трансформационные преобразования, которые укладываются в понятия «кризис истории», «радикальный поворот» в рамках многочисленных вызовов самого различного характера. При этом исследователи подчеркивают множественность и многоуровневость всех этих процессов. В зависимости от этого выделяются когнитивные, структурные составляющие самого «кризиса». Он называется и кризисом роста, и методологическим кризисом, и кризисом социальной функции истории [10; 11, с. 7–8]. В результате само состояние исторической науки уже воспринимается рядом исследователей как кризисное. А сам кризис превратился в постоянную величину в истории исторической мысли на рубеже XX–XXI вв. [12, с. 47; 13, с. 76–100]. Суммирующим выглядит утверждение современного философа А.Л. Стризове о кризисе исторической науки как социального института. Преодолеть его возможно, лишь изменив формы его институционализации в обществе таким образом, чтобы «производство» нового знания о прошлом осуществлялось в единстве его формальной и содержательной сторон [14, с. 6].

В то же время в научном экспертном пространстве заметно доминирует положение о том, что кризисы в любой отрасли науки являются предвестниками качественных скачков в их развитии [15, с. 372; 16, с. 265]. Они важны для понимания характера и направления развития исторической науки, для осмысления тех неизменных методологических традиций, на которые ориентировалась историческая мысль [17, с. 29].

В рамках дискуссий о характере современного этапа развития исторической науки произошло смещение проблематики от политических аспектов к темам мира культуры и представлений, связанных с человеческой деятельностью. Подчеркивается ограниченность возможностей истории ментальностей и расширение познавательных границ антропологически ориентированной историографии. Заметно реабилитируется политическая и событийная историография [18, с. 162–163; 19; 20, с. 236–261]. Кардинально меняется отношение к историческому источнику, которое порождено новым отношением к тексту как «к пуль-

сирующему пространству постоянно возникающей интерпретации, которая актуальна только в момент чтения» [21, с. 365].

Все явственнее ощущается потребность в рамках доминирующего социокультурного подхода раскрывать механизм социального взаимодействия в событиях и явлениях прошлого. Развитие средств массовой информации и коммуникативных технологий усиливает интердисциплинарность современного исторического познания. Оно становится частью гуманитарного дискурса, в полной мере демонстрируя глубину и принципиальный характер перемен, происходящих в гуманитарных науках. Лидирующее развитие интеллектуальной истории и исторической антропологии свидетельствует о формировании нового исторического сознания, способного создать новый образ прошлого.

Заметен процесс интернационализации исторической практики. Однако он направлен не на тотальную унификацию или поиск какого-то общего для всех катехизиса [22; 23; 24, с. 207–225]. Современные исследователи поднимают проблему формирования единой всемирной истории. В ее основу должно быть положено новое историческое знание, связанное с переориентацией социальной истории на развитие личности [25, с. 11–23]. Они констатируют появление возможности действительно очеловеченной истории как истории саморазвивающихся личностей, когда деятельность всемирно-исторического субъекта по производству самого себя обращается в производство истории.

Между тем оценка состояния исторической науки всегда определялась в контексте развития других гуманитарных дисциплин. Эта междисциплинарная система, о которой немало написано отечественным историографом Л.П. Репиной [26, с. 5–17], развивается по законам, когда крупные познавательные изменения одной из звеньев системы не могут пройти бесследно для всех ее остальных звеньев. Формирование этой системы активизируется со второй половины XX в. Оно было сопряжено со сложными процессами специализации, внутренней дифференциации, кооперации и реинтеграции различных научных дисциплин, которые не могли не сказаться на конфигурациях исследовательских полей и определении приоритетных направлений собственной исторической науки.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. на передний план выдвигались проблемы широкой корреляции смежных социальных наук и внедрения в историю системных и структурно-аналитических методов исследования, методики и техники количественного анализа. Принципиально важным было освободить предмет исторической науки от приоритета политических и идеологических догм.

В начале 80-х гг. XX в. междисциплинарное взаимодействие сосредоточивалось в пространстве исторической антропологии с формированием устой-

чивого интереса к микроистории и анализу конкретных жизненных ситуаций.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. в рамках сформировавшейся постмодернистской ситуации происходило складывание социокультурного подхода к изучению исторического прошлого с целью исследования культурного механизма социального взаимодействия. В фокус современной историографии попадает человеческая индивидуальность. Сама же история начинает рассматриваться как наука о человеке, изменяющемся в социально-темпоральном пространстве прошлого и своими действиями непрерывно изменяющем это пространство.

В современных научных разработках актуализируется проблема складывания новых междисциплинарных сообществ [27, с. 71–77; 28, с. 200–202]. Значительная часть исследователей истории Белого движения в период Гражданской войны именно в этом видят залог динамичности развития современной историографии, превращения исторического знания в важнейшую составную часть гуманитарного дискурса [29, с. 39–59; 30; 31, с. 14–37; 32, с. 199–215].

При этом важно учитывать, что само так называемое историописание представляет собой образ производства идентичности. Поскольку мотивация процесса конструирования исходит из субъекта, пребывающего в определенном социальном мире, то в каком-то смысле история – это отражение образа настоящего в прошлом. И в этом смысле вся история, включая и современную историографию, представляет собой форму мифологии в ее культурно-антропологическом понимании. Иными словами, как считает современный специалист в области исторической антропологии В.А. Тишков, история представляет собой поле состязательности между субъектами идентификации. Поэтому историческое знание и участники его производства пребывают в несвободной от культурно-ценностного контекста сфере властных взаимовлияний и современных воздействий [33, с. 147].

В то же время в исторической антропологии существуют два подхода к историческому знанию. Сторонники одного считают, что исторические события не существуют и не могут иметь материальную эффективность в настоящем. Для других, напротив, культура представляет собой организацию современной ситуации в терминах прошлого [33, с. 147]. Поэтому антропологическая версия историографии, выражаясь словами Н.В. Иллерицкой, имеет «двойную прозрачность» [5, с. 177]. Допускается, что источники содержат в себе свидетельства прошлого, которые исследователь может извлечь, используя определенные методы. Сам же текст источника не считается непреодолимым препятствием на пути постижения прошлого [34, с. 216].

История как осмысленная версия представляет собой современный ресурс, и в принципе каждое новое поколение пишет свою собственную историю, как и в каждом поколении присутствуют конкурирующие версии с разными шансами стать если не единственными, то хотя бы доминирующими [33, с. 149–150].

Подобные процессы явственнее прослеживаются при изучении так называемых классических проблем отечественной историографии, к которым, без сомнения, можно отнести историю Белого движения в России. Современный этап изучения данной проблемы характеризуется усилением тенденции пересмотра традиционных концепций. Это определяется качественными изменениями парадигмальных познавательных ориентиров, освоением тех исследовательских подходов, которые используются в мировом академическом сообществе при формировании исторического знания [35, с. 7].

Историография Белого движения претерпевает изменения в рамках историографии Гражданской войны, которая переживает политическую смену оценочных характеристик: от классовых («высшая форма классовой борьбы») до цивилизационных («национальная трагедия») концепций, сконцентрировавшись в последнее время на социокультурной («братоубийственная война») парадигме. Осваивая опыт и традиции западной гуманитаристики, отечественные историки заметно солидаризируются с позициями первых исследователей Гражданской войны – ее участников и современников, написавших в так называемом Русском зарубежье свои первые работы в форме мемуаров и воспоминаний, не лишенных аналитического контекста.

Возникающее на этой основе затишье методологических дискуссий является благодатной почвой для освоения новых объектов исследования (экономические, социальные и культурные аспекты Гражданской войны). Поднимаются проблемы повседневной истории, локальной истории, моделируются исторические сюжеты, выясняется «казуальность» тех или иных событий политического противоборства в России после октября 1917 г.

Предметом изучения все чаще служат люди (в первую очередь политические деятели А.И. Деникин, А.В. Колчак, П.Н. Краснов, П.Н. Миллюков, П.Б. Струве и др.) с их страстями и непредсказуемыми действиями. Отсюда доминирующей проблематикой истории Белого движения становится история человека, живущего в условиях политических, экономических и социальных катаклизмов 1917–1920 гг. в России [36]. Полифонизм методологий и мозаичность сюжетов исследований в этих условиях неизбежны.

Современный этап в изучении Белого движения отражает наиболее существенные факторы, влияющие на современное историческое знание. Локализация

и полисубъектность актуального исторического процесса, а также переход от информационного общества к манипулятивному проявляются в том, что исследователь все чаще опирается не на развернутую систему аргументации, а на символы, метафоры, образы и другие репрезентативные объекты. Все они включают в себя мощные верификационные инструменты когнитивной семантики.

Современный исследователь истории Белого движения сталкивается с целым рядом проблем, ставших следствием «переизбытка информации». Он вынужден скорее не исследовать интересующие его темы и предметные области, а осваивать все то, что уже было сделано до него. Причем обилие и доступность разнообразной информации превращают эту работу в длительный и сложный процесс. Ее результаты суммируются в многочисленных тематических документальных публикациях, снабженных мощным научным комментарным аппаратом, представляющим собой своеобразное осмысление исследователем представленной проблемы.

Современная историография Белого движения развивается в условиях быстрого дистанцирования профессионального и обыденного исторического сознания. При этом профессиональное историческое знание не успевает за потребностями социума. Это приводит к демократизации историографии Белого движения и включения ее в русло рыночной экономики, когда становятся востребованными главным образом работы, написанные в одном из развлекательных жанров.

Периодически возникающие кризисы доверия к научному мышлению приводят к активизации мифологического начала в общественном сознании [37, с. 133–152]. На основе архаических моделей в современной политике и идеологии воссоздаются старые мифы в новых социальных и национальных оболочках. Происходит своеобразное переплетение так называемых спонтанной мифологии и искусственной мифологии как конструирование с политическими и идеологическими целями внутри отдельных интеллектуальных или властных элит [38, с. 23].

Именно таким способом осуществляется воздействие исторической науки на общественное сознание, на представления людей о своем прошлом. Тема мифов в истории Белого движения, роли доминирующих и конкурирующих в ней образов, сложившихся спонтанно или умело внедренных в массовое сознание, привлекает все большее внимание отечественных исследователей. На этом фоне особое место занимает проблема исторической и культурной памяти об истории антибольшевистского движения, которая является неотъемлемой составляющей групповой, социальной и национальной идентичности.

В то же время современная историография Белого движения интересна тем, что она стремится избежать штампованных оценок, предоставляя исследователю

широкое поле для творческой деятельности. Поэтому тенденции современной историографии Белого движения многообразны и неоднозначны. Наряду с расцветом микроисторических исследований по истории Белого движения растет интерес к макроперспективе, ориентированной на изучение институциональных, демографических, культурных, экономических сюжетов российской государственности начала XX в. Появляется довольно много работ, авторы которых претендуют на всеобъемлющее описание событий и процессов Белого движения [39]. Делается это главным образом для того, чтобы помочь современным политикам извлечь уроки из прошлого и учитывать их в процессе принятия политических решений.

Расширение историографического поля истории Белого движения за счет появления в его рамках новых направлений формирует новые модели и методы, которые включаются в исследовательский инструментарий в связи с избранной предметной областью. В борьбе с объективностью и истиной посмодернисты создают новые субъективные теории истины. Например, социальные конструкционисты ищут формы диалога, отличные от дискуссий и критики, основанных на объективизме. Нарративисты работают над выявлением «повествовательности» в нашей жизни, стремясь помочь людям создавать свои собственные повествования. Коллабористы подчеркивают динамическую и совместно конструируемую природу значения [40, с. 33]. Поэтому актуальной проблемой становится конструирование целостности Белого движения как уникального феномена развития российской государственности в начале XX в. Механизм обнаружения этой целостности и границы этой целостности должны определяться с учетом глобализации и информатизации исторической науки, с одной стороны, и самоидентификации современного исследователя, включенного в социально-культурную коммуникацию, с другой.

В последнее время выходит немало научных исследований, авторы которых решение многих теоретических проблем, в том числе и по истории Белого движения, связывают с «технологией» исторического процесса (принципами и методами изучения объекта истории, учением об исторических источниках, языке историка и т.п.) [41–43]. Однако в них трудно обнаружить концептуальный понятийный аппарат теоретизирования в области истории, что, по мнению, например, современного исследователя В.П. Золотарева, затрудняет продвижение в области общей теории истории [44, с. 74]. По этой причине он прямо заявляет о том, что «в теоретической отрасли современной российской исторической мысли господствует негативизм и анархия» [45, с. 19].

В отличие от советской исторической науки с ее историческим материализмом как марксистским учением об общественном развитии термин

«теория истории», равно как и термин «философия истории», как правило, взамен исторического материализма, не употребляются широко современными исследователями. Например, Ю.А. Поляков вместо него использует понятия «историческая теория», «методологическая основа трудов», «методологические варианты» исторического процесса [46, с. 3–10].

С другой стороны, история и философия значительно расходятся как в методологии, так и в предмете исследования. Не следует полагать, что наличие таких областей исследования, как история философии и философия истории преодолевает указанное расхождение, потому что эти исследования принадлежат философии, а не истории, хотя время от времени наблюдается ярко выраженная экспансия одной науки в область другой [47, с. 182].

Любая теория, претендующая на научность, должна выполнять по крайней мере три функции: описательную, объяснительную, предсказательную. От того, насколько полно реализуются перечисленные функции, особенно две последние, зависит эвристический потенциал концепции, который, в свою очередь, свидетельствует о ее теоретической зрелости и научной состоятельности [15, с. 360].

Современное историческое исследование по истории Белого движения характеризуется специфическим способом сочетания гносеологических процедур понимания и объяснения, их взаимопроникновением, сложным переплетением, практической невозможностью вычленения с помощью традиционных качественных методов.

Формирование конкретной исследовательской ситуации определяется индивидуальным усвоением так называемого предпосылочного внеисточникового знания. По мнению известных специалистов К.В. Хвостовой и В.К. Финна, оно представляет собой самостоятельно функционирующую систему, включающую в себя следующие элементы:

- теория и философия истории;
- состояние исторической науки как готовое знание;
- источниковая база [48, с. 97–99].

Мировоззрение исследователя, эмоционально-психологические особенности его личности определяют процесс познания «картины мира» и формирования так называемого готового знания. Оно определяет теоретико-методологические принципы исследования, влияющие на выбор:

- исследовательской темы (предметная область исследования);
- исследовательской цели (исследовательские намерения, побуждающие концентрировать внимание на некоторых признаках предмета изучения);
- исследовательских проблем (структурирование и упорядочение с учетом различных контекстуальных зависимостей).

Специфика строения исторического знания заключается в том, что использование идей (или метафор, порожденных холистическими потребностями) вызывает необходимость распространения логической систематизации на идеи, уточнение которых приводит к понятиям. В результате, как считают К.В. Хвостова и В.К. Финн, происходит превращение знания, релевантного идее, в организованное знание, и представляющий идею термин получает определение [49, с. 100].

Для логической систематизации исторических знаний необходимо описать факты во времени, затем сгруппировать их в ситуации и проанализировать взаимодействие этих ситуаций. К.В. Хвостова и В.К. Финн выделяют четыре этапа анализа исторической темы:

этап 1 – формирование базовых утверждений на основе информации исторических источников либо априорно;

этап 2 – формирование обобщающих утверждений на основе уже имеющегося организованного знания;

этап 3 – формирование исторического знания на основе анализа имеющихся источников;

этап 4 – формирование теоретического обобщающего знания и создания концепции [48, с. 101–103].

Одним из основополагающих этапов выступает, безусловно, работа с источником («ситуационная логика») [49, с. 65–75; 50, 237–267], которая в значительной степени определяет характер конструирования исторического знания. Оно возможно в форме трех типов исторических сочинений, которые обозначил в своих исследованиях известный немецкий историограф и методолог истории конца XIX – начала XX в. Е. Бернгейм [51, с. 4]:

- «повествовательная история» (нарратив) как репрезентация любого исторического материала;
- «прагматическая история» как оценка исторических событий с точки зрения современной шкалы ценностей;
- «эволюционная история» как анализ развития собственно исторической мысли.

Исследуя проблему соотношения истории как науки и историчности мира, известный немецкий исследователь О.Г. Эксле основные параметры исторического знания определяет как соотношение:

- «прошлого» и «настоящего»;
- истории отдельного человека с истории общества в целом;
- «знания повседневного» и «знания экспертов» [52, с. 86–93].

По этой причине исследователь считает, что научно упорядочить историческое знание, сделать его «правильным» и объективным вряд ли возможно. В то же время он утверждает, что «историческая наука постоянно производит огромный переизбыток знания, которое больше уже никем не может быть усвоено». Противостоять же этой гипертрофии сохраняемого

и транслируемого исторической наукой знания крайне сложно [52, с. 102].

Как известно, уникальность любого исторического события в контексте формирования исторического знания заключается в том, что как предмет изучения оно предполагает прежде всего возможность концептуализации иного времени, отличного от той линейной протяженности, которая, по мнению известного исследователя А.В. Гордона, в современных представлениях отождествляется с самой историей и возведена в методологический абсолют в классических и новейших эволюционистских теориях [53, с. 117–118].

Процесс развития исторического знания в области истории Белого движения дифференцируется на три периода, соответствующих основным этапам развития философии истории, реально существующей в форме либо метафизической (историософской) модели, либо критической (аналитической) модели [54, с. 11].

Специально занимавшийся проблемой философии науки исследователь А.П. Огурцов отмечал, что на первом этапе (с начала XX в. до середины 1960-х гг.) доминировали эпистемологические приоритеты научного знания. Они были направлены на постижение истины, регулируемой определенными методами научного исследования [55, с. 17–19].

Единицей анализа было высказывание языка науки с его различными уровнями, которое на следующем (послевоенном) этапе развития философии науки уступило место научному сообщению. Поскольку оно опиралось на определенную концепцию, вся историческая наука превращалась в многообразие решений конкретно взятой проблемы.

Сталкиваясь с ростом социокультурных противоречий, вызываемых глобализацией и «столкновением цивилизаций», «рыночным фундаментализмом», медийным манипулированием, дегуманизацией и гегемонией масс-культуры, современное общество ищет пути выхода из этих так называемых гуманитарных ловушек XXI в. [56, с. 35].

На современном этапе развития философии науки, условно начавшемся с середины 90-х гг. XX в., доминирующей тенденцией становится технологизация научного мышления и его инструментализация. Это находит свое проявление в доминировании методологических аспектов в исторических разработках, а также прагматики в лингвистически ориентированных исторических исследованиях.

Инструментализация научного знания в области изучения Белого движения означает, что знание начинает рассматриваться как форма дискурсивной практики, к которой прилагаются все характеристики практического отношения к действительности. Любая теоретико-методологическая разработка представляется как символический проект. Их совокупность переходит на уровень исследовательской программы со своей специфичной формой репрезентации.

В таком случае научное знание в области исследования Белого движения предстает как непрерывный поток инноваций, изучение которого выдвигается на передний план современной исторической науки.

Актуальным становится проблемно-ориентированное исследование, направленное на решение социально значимых задач с точки зрения внутренней логики науки.

Библиографический список

1. Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1955. – Т. 1.
2. Черепнин, А.В. Русская историография до XIX века / А.В. Черепнин. – М., 1957.
3. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. – М., 1971.
4. Сахаров, А.М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР / А.М. Сахаров // Вопросы истории. – 1962. – №4.
5. Иллерицкая, Н.В. Историография как коммуникативный проект / Н.В. Иллерицкая // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. – 2007. – №1.
6. Зверева, Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории / Г.И. Зверева // Одиссей. 1996. – М., 1996.
7. Анкерсмит, Ф. Историография и постмодернизм / Ф. Анкерсмит // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996.
8. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. – Томск, 2002.
9. Чеканцева, Э.А. Современное историописание как компонент гуманитарного дискурса / Э.А. Чеканцева // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2004.
10. Гуревич, А.Я. О кризисе современной исторической науки / А.Я. Гуревич // Вопросы истории. – 1991. – №2–3.
11. Эмар, М. Образование и научная работа в профессии историка. Современные подходы / М. Эмар // Исторические записки. – М., 1995. – №1(119).
12. Ястребицкая, А.Л. Культурное измерение социального / А.Л. Ястребицкая // Культура и общество в средние века – раннее Новое время. Методология и методика современных зарубежных исследований. – М., 1998.
13. Репина, Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания / Л.П. Репина // Казус. 1999.
14. Стризов, А.Л. Историческая наука и современная социокультурная ситуация / А.Л. Стризов // Историческое знание в системе политики и культуры : мат. IV междунар. науч. ист. чтений памяти проф. В.А. Козюченко. – Волгоград, 2005.
15. Мусаелян, Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность / Л.А. Мусаелян. – Пермь, 2005.
16. Барышникова, Л.Н. Предмет методологии исторической науки как историографическая проблема : дис. ... канд. ист. наук / Л.Н. Барышникова. – Казань, 2006.
17. Рамазанов, С.П. Методологические искания отечественной исторической мысли XX века: новации и традиции / С.П. Рамазанов // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. – СПб., 2003. – Вып. 1.
18. Чешков, М.А. Глобальное видение и новая наука / М.А. Чешков. – М., 1998.
19. История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. – М., 2001.
20. Ревель, Ж. Микроанализ и конструирование социального / Ж. Ревель // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996.
21. Чеканцева, Э.А. Современное историописание как компонент гуманитарного дискурса / Э.А. Чеканцева // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2004.
22. Ионов, И.Н. Историческая глобалистика: предмет и метод / И.Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 2001. – №4.
23. Историк в поиске: микро и макроподходы к изучению прошлого. – М., 1999.
24. Гинсбург, К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / К. Гинсбург // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996.
25. Панфилова, Т.В. Проблема смысла истории / Т.В. Панфилова // Вопросы философии. – 2006. – №6.
26. Репина, Л.П. Междисциплинарность и история / Л.П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2004.
27. Лепти, Б. Некоторые общие вопросы междисциплинарного подхода / Б. Лепти // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и о будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М., 1993.
28. Шартье, Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения / Р. Шартье // Одиссей. Человек в истории. 1995. – М., 1995.
29. Визгин, В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы / В.П. Визгин // Одиссей. 1996. – М., 1996.
30. Ревель, Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» / Ж. Ревель // Новая и новейшая история. – 1998. – №5–6.
31. Скворцов, Л.В. Гуманитарное знание на пороге третьего тысячелетия: рубеж новой духовности / Л.В. Скворцов // Идеи в культурологии XX века. – М., 2000.
32. Согомонов, А.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) / А.Ю. Согомонов, П.Ю. Уваров // Одиссей. 2001. – М., 2001.
33. Тишков, В.А. Диалог истории с антропологией на рубеже столетий / В.А. Тишков // Историческая наука на пороге XXI века. – Новосибирск, 2001.
34. Анкерсмит, Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Анкерсмит. – М., 2003.
35. Эрманн, И. Предисловие / И. Эрманн, Г. Зверева // Историческое знание в современной России: дискуссии и поиски новых подходов. – М., 2005.
36. Черкасов-Георгиевский, В.Г. Колчак и Тимирева / В.Г. Черкасов-Георгиевский. – М., 2006.

37. Юнг, К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К.Г. Юнг // Вопросы философии. – 1988. – №1.
38. Неклюдов, С.Ю. Структура и функция мифа / С.Ю. Неклюдов // Современная российская мифология. – М., 2005.
39. Кенез, П. Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918 / П. Кенез. – М., 2007.
40. Хольцман, Л. Как сделать постмодернизм деятельным / Л. Хольцман // Вопросы философии. – 2006. – №6.
41. Коломийцев, В.Ф. Методология истории (от источника к исследованию) / В.Ф. Коломийцев. – М., 2001.
42. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М., 2003.
43. Тош, Дж. Как овладеть ремеслом историка / Дж. Тош. – М., 2000.
44. Золотарев, В.П. Общая теория истории: содержание понятия и его эволюция / В.П. Золотарев // Историки в поиске новых смыслов : сб. науч. ст. и сообщ. участников Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения проф. В.Д. Жигунина. – Казань, 2003.
45. Золотарев, В.П. Договоримся о словах! / В.П. Золотарев // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. – СПб., 2003. – Вып. 1.
46. Поляков, Ю.А. Как отразить многомерность истории / Ю.А. Поляков // Новая и новейшая история. – 2003. – №4.
47. Целищев, В.В. Может ли история заменить философию? / В.В. Целищев // Историческая наука на пороге XXI века. – Новосибирск, 2001.
48. Хвостова, К.В. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований / К.В. Хвостова, В.К. Финн. – М., 1997.
49. Поппер, К. Логика социальных наук / К. Поппер // Вопросы философии. – 1992. – №10.
50. Коллингвуд, Р.Дж. Идеи истории / Р.Дж. Коллингвуд. – М., 1980.
51. Бернгейм, Е. Введение в историческую науку / Е. Бернгейм. – М., 1908.
52. Эксле, О.Г. Историческая наука в постоянно меняющемся мире / О.Г. Эксле // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2004.
53. Гордон, А.В. Великая французская революция как великое историческое событие / А.В. Гордон // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2004.
54. Губин, В.Д. Власть истории. Очерки по истории философии истории / В.Д. Губин, В.И. Стрелков. – М., 2007.
55. Философия науки: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2006. – №10.
56. Булавка, Л.А. Ренессанс и Советская культура / Л.А. Булавка // Вопросы философии. – 2006. – №6.